

— Ленинград, 21 февраля 1979 г.

Дорогой Сашок!

— Занятый совершенно другими делами, я не мог сосредоточиться и собраться написать тебе. Между тем получил твоё письмо с рассказом о твоих рыбных злоключениях. Как фарисей внутренне с удовлетворением отметил про себя, что я застрахован от подобных искушений. Конечно, прав булгаковский Воланд: "Кирпич ни с того ни с сего на голову никому не свалится" (сию фразу он произнёс "внушительно"). Но кирпичи могут быть разными, а причины у каждого найдутся. Так что напрасно я фарисействовал.

— Надеюсь, ты ещё не успел починить мотоцикл, и в ближайшее время тебе не угрожает подлёдный лов мотоцикла. Дёшево вы с папочкой отделались!

— У меня очень туго продвигается диссертация. Она требует усидчивости, которой мне всегда не хватало. Хотя, в общем-то все условия для работы есть: преподавательская нагрузка в этом семестре у меня минимальная, всего 4 часа в неделю. Как и прежде, преподавание мне доставляет удовольствие.

— Приближается Великий пост. Недавно я подал прошение на постриг, так что на посту следует ожидать моего пострижения и рукоположения. У нас сейчас целая лавина идущих в монахи и принимающих сан (как в женатом состоянии, так и в celibate). В этом отношении интересно следить за журналами - летописями Академии. Число молодых постриженников как-то обнаруживает закономерную связь с общим религиозным настроением в народе. Так, если пролистать журналы 90-х годов того века, а особенно времени революции 1905 года, то поразит почти полное отсутствие желающих идти в монахи или даже рукополагаться. Затем, в годы, приближающиеся к I-й Мировой войне (этот период с одной стороны обозначают как "засилие реакции", а с другой - как "русское возрождение") - небывалый рост числа постриженников. Затем, уже в ближайшее время, конец хрущёвского периода отличается явным затишьем и неопределённостью устремлений, а с начала 70-х поныне в процентном отношении к общему числу студентов число монахов и принимающих сан несравнимо выше, чем даже в 10-е годы.

— Вообще справедливо отмечается, что церковная жизнь в стране несмотря на явные трудности приобретает удивительную интенсивность (об экстенсивности речь может идти только применительно к столичным городам). Об этом свидетельствует даже светская печать государственных издательств. С отрицательных позиций: например, газета начинает риторически вопрошать: отчего это столько людей носит нательные крестики? по сути дела дальше этого отрицание не идёт, т.к. атеистические отделы в книжных магазинах начинают сравнительно пустовать, а то, что там всё же появляется (типа перепечаток Осипова), отличается такой беззубой невежественностью, что кроме пожатия плеч никакой реакции ни у кого вызвать не может.

— С положительных позиций: всё чаще появляются печатные работы, свидетельствующие о глубокой вере и религиозной эрудиции авторов. Вот пару дней назад прочёл интереснейшую статью в "Контексте. 1978", М., Наука, 1978, некоего астронома А.Н.Зелинского о церковном юлианском календаре. Работа не только захватывающе интересна, но просто бескомпромиссно религиозна, и могла бы составить честь своим появлением любому церковному изданию. Или вот, показывают мне на днях студенты одну городскую московскую газетку, где в разделе реклам даётся большая фотография роскошного богослужения в патриаршем соборе, а текст под фотографией призывает посещать "изумительные службы", на которых можно услышать "прекрасное грегорианское (!) пение". Службы ежедневно во столько-то, по праздничным и

воскресным дням. Божественные Литургии во столько-то, Вечерни и Утрени во столько-то. Адрес такой-то, станция метро такая-то.

— Но всё-таки надо приступить к продолжению начатого разговора. Я прекрасно отдаю себе отчёт в непреодолимых логических трудностях, которые теперь передо мною стоят. Хотя, разумеется, логические затруднения (апории) здесь не носят характера абсурда, как в случае последовательного материализма или безбожия. Нет, конечно. Здесь никакого абсурда нет, и в этом смысле слова, приписываемые (искажённо) Тертуллиану: *credo quia absurdum est*, - нелепы, сами являют собой абсурд. Вера - это не слепая вера в абсурд, это уверенность в металогической очевидности высшего порядка по сравнению с привычной очевидностью обыденного эмпирического опыта. Вера, будучи (по ап. Павлу) "уверенностью в невидимом", "вещей обличением невидимых", с самоочевидностью свидетельствует о том, что расходится с эмпирическими фактами чувственного бытия и превосходит всякую логическую убедительность. "Блаженны не видевшие и уверовавшие". Но этот призыв Иисуса не есть призыв к слепой вере, к рабской покорности авторитету, к ребяческой доверчивости (как принято обозначать веру у людей, не знающих, что это такое). Это есть призыв к готовности усмотреть и признать "высшую" очевидность вопреки свидетельству "низшей" очевидности.

— Аналогия: Когда Галилей вопреки показаниям чувственной очевидности и настояниям вековых авторитетов утверждал, что земля вращается, он также жертвовал очевидностью "низшего" порядка ради относительно "высшей" очевидности математического умозрения.

— Воля к вере, упорство в ней нужны не для того, чтобы слепо доверять невозможному; они нужны, чтобы упорствовать в сознании, что "высшая" очевидность преимуществоует над "низшей", которая психологически хотя и действует на нас сильнее, но логически имеет меньше оснований, чем "высшая" очевидность, и по существу не может опровергнуть последнюю, а может лишь по нашей слабости вытеснить её из нашего сознания, заглушить её в нас.

— Вера - область чистой аксиоматики, чистой самоочевидности. Это не философия. Ничего доказать здесь нельзя, как нельзя доказать и любую (даже чувственную) очевидность. Ведь в самом деле, не могу же я доказать кому-то, что снег - белый, если человек будет сомневаться в этом.

— Сознание религиозных истин (догматов) - факт предельно очевидного смотрения. И как таковые, догматы столь же очевидны, сколь и непостижимы (в смысле философской абсолютной доказательности). Они не противоречат логике, но логикой их "вывести" невозможно: в этом их "непостижимость", их сверхрациональность.

— С разных сторон мы можем подойти к этой самоочевидной, хотя и таинственной, истине, разными способами можем помочь себе утвердиться в её сознании. "Утвердиться в сознании" - да, это мы можем делать рационально. Но ведь должно быть "сознание" религиозных истин, в котором надо утверждаться. Вот "дать" другому человеку это "сознание" невозможно, как невозможно "дать" другому знание какой-либо аксиомы, если он по той или иной причине её уже не знает.

— Поэтому я свою задачу понимаю только как слабую попытку указать на те стороны религиозной очевидности, которые, хотя и будучи сверхрациональными, ближе всего поддаются рациональному выражению (не доказательству, а именно выражению, описанию).

С древнейших времён на всех языках мира для обозначения сознания эмпирических и сверхэмпирических аксиом существовали разные термины. Сейчас они перепутались, но, в общем, их можно ощутить как "интеллект" и "мудрость". Хотя антоним тому и другому обозначается одним термином - "глупость". Обыгрывая эти термины, Аверинцев в своей последней книжке писал: "Глупость - не есть интеллектуальная категория. Глупость - это

прежде всего отсутствие мудрости, т.е. безбожие. Именно потому глупость, что безбожие, и именно потому безбожие, что глупость".

— Это, конечно, шутка. Но здесь явный намёк на аксиоматичность религиозного ведения, на интеллектуально неразложимую последнюю очевидность религиозных истин.

— Я не думаю быстро справиться с задачей, даже столь ограниченной, как я уже указал. Затрудняюсь и в том, с чего начать. Начну с факта исторического, изложенного в 3-ей главе книги Исход, сомневаться в котором невозможно при любом отношении к исторической "плоти" события (это могло быть в 1500 г. или в 1200 г., с Моисеем или не с ним, в Египте или в Аравийской пустыне, это могло быть чудесным внешним явлением или внутренним озарением, - но это было, т.к. если бы не было, то и писать не о чем было бы).

— Итак:

— - вот что явлено было Моисею при пылающем, но не сгорающем кусте возле горы Хорив. "Священная Тетраграмма" - четыре буквы священного алфавита. Для религиозного сознания это слово несёт в себе уже значительную долю всей полноты Откровения и в то же время пробуждает в человеке пронзительное ощущение непостижимой тайны. Первому чувству (предельного, самоочевидного ведения, раскрывающегося в этих литерях) соответствует любовь. Второму (ужасающей непостижимости) - страх. В своём единстве любовь и страх называются благоговением.

— По сути дела эти четыре буквы несут в себе почти всё содержание Ветхого завета.

Это - имя Божие, открытое Моисею Самим Богом. Гипотетически оно произносится Йаг'ве (Jahweh) и, переведённое с еврейского, оно означает "Аз есмь", т.е. "Мне присуще бытие", "Я - Истина", "Я живу".

— "Быть" (субстантивированная форма), "Das Sein", "The Be", "Le etre". Это Имя - самое удивительное из всех имён, когда либо встречавшихся в человеческом языке и сознании.

— Это Имя настолько удивительное и из ряда вон выходящее (kiddush, святое, т.е. из ряда обыденного выделенное), что его было запрещено произносить (Не возмешь имене Господа Бога твоего всуе).

Бог не назвал Себя каким-либо Своим атрибутом. Он не назвал Себя Адонай (Господин), не назвал Себя Шаддай (Крепкий) или Цебаот (Властитель воинств), никаким страшным или добрым, приятным именем Он не назвал Себя. Всеми этими именами Его называли люди. Но так они могли назвать не только своего великого и единственного Эла - Элохим (Бога), но так могли называть (и называли) множество своих элов-элохим (богов). Ведь и телец Ваал - Крепкий, и громовержец Зевс - Господь, и дева Афина - Воительница. Он же - Йаг'ве.

— Это имя поразило Моисея и весь его народ. К этому имени рвались сердца. Оно восторгало в созерцание непостижимой тайны. Как не удивляться? Ведь "аз есмь" может сказать о себе любой из нас. Даже бессловесная тварь, птичка или кошка какая-нибудь как-то сознаёт своё бытие и в каком-то смысле может заявить: аз есмь. Кто знает, может и совсем на первый взгляд мёртвый камень или палка своим бессознательным участием в бытии космоса заявляет и о собственном бытии.

— Значит каждый из нас несёт в себе Имя Божие. Это предельная очевидность - факт моего бытия. Это аксиома. Братся "доказывать" этот первый догмат, на который мы накинлись, - ставить себя в абсурдное положение.

— "Аз есмь" - это предельно очевидно, но и глубоко таинственно, ибо я не могу "вывести", "доказать", интеллектом "понять" это. Почему, что такое Аз, что такое есмь? Кто объяснит это?

— Итак, когда я говорю о себе "аз есмь", я утверждаю некую самоочевидную истину. Когда Бог сказал о Себе - "Аз Есмь", - Он утверждал тоже Истину. Имя Божие - самоочевидная Истина, Бытие, Жизнь.

Когда заклинали "во имя Бога", - заклинали "во-Истину". Когда славили "во имя Бога", - славили "во-Истину". Сотни раз это "во Имя" встречается в Библии.

— "И во имени Твоём возрадуемся весь день...", - поёт царь Давид. Как можно радоваться во имени? Могу я радоваться в имени, скажем, Николай? Неверующий читатель здесь теряет все смысловые нити и ориентиры. Он попросту ничего не понимает. Если Имя Бога - Быть, то радоваться в этом имени - радоваться в Бытии, в остром и само собой разумеющемся чувстве собственного бытия как аналога или, кто знает, части Бытия Универсального.

— Все хотят "быть", не влачить горестное существование, а быть во благе, т.е. радоваться своему бытию. Все хотят называть себя Именем Божиим.

Воистину Бог не только с нами, но и в нас самих, раз мы можем называть себя Его Именем. Эммануэль - "С нами Бог" - клич Ветхого Завета.

— Вот такие чувства и мысли могли мелькать в сознании Моисея и его племени после того, как им было открыто Имя Божие.

— Над этим стоит, очень стоит призадуматься.

II. Перейдём к другой очевидности, чуть более сложной, чем очевидность факта моего бытия. Это очевидность моего сознания.

Cogito ergo sum. - Слова Декарта.

— Кому приходилось падать в глубокий, глубокий обморок без видений и ощущений, тот знает, что с момента лишения сознания до момента его появления, я (в обмороке) ничего не знаю. "Там" вообще ничего нет, ни вещей вокруг меня, ни меня самого. Чёрная дыра между двумя точками времени.

— Бытие, "быть", "аз есмь", сознание и самосознание для меня взаимосвязаны. Бытие вообще и моё бытие в частности обусловлены моим сознанием. Без сознания я опыта бытия не имею, в сознании, даже в затуманенном, таковой опыт я имею. Это как дважды два, это аксиома: "Если у меня нет сознания, ничего для меня не существует". Следовательно, воистину

Cogito ergo sum.

— Но что такое это "cogito"?

— Что мне надо делать, чтобы что-то "сознавать", скажем, сознавать a posteriori свой чувственный опыт или, скажем, сознавать своё собственное бытие? Какие эмпирические

действия произвожу я, чтобы "остановить" своё сознание на факте собственного существования или на том факте, что "ель - хвойное дерево" или на теореме Пифагора? Бегу я при этом куда-либо, тащу камни, завожу механизмы или почёсываюсь? Нет, разумеется, ибо, чтобы бежать куда-то ради чего-то, мне уже нужно иметь в себе и сознание и самосознание. Я ровным счётом ничего не делаю для того, чтобы сознать. Не я "беру" предметы сознания каким-либо актом, а они мне "даются".

—Итак, ещё одна аксиома: сознание (и самосознание) от моих внешних действий не зависят. Попутно выясняется, что хотя факт сознания от меня не зависит, интенсивность сознания (от "0" до не знаю какого предела) может от меня зависеть. Так, я могу погрузить себя в обморок или даже убить себя.

—И это - столь же очевидные, сколь и сверхлогические истины, их нельзя далее разложить и доказать. Это догматы (в данном случае догматы о духовной природе человека и о его свободной воле, - но пока об этом и говорить не станем).

Итак, мне "дано" самосознание (когда я не в обмороке), и я ничего не делаю, чтобы сознать: "аз семь".

—Но кто или что "даёт" мне сознание? Где тот не зависящий от моих усилий поток информации, который я лишь пассивно принимаю?

—Здесь нам полезной окажется такая простая аналогия. Если орган сознания в человеке традиционно называется его "ум" ([voɪ]α), то в качестве аналогии упомянем об органе чувственного зрения (знания), о глазе. Нас не будет интересовать физиология, связанная с сознанием или со зрением. Просто весь процесс сознания мы обозначили "ум", а весь сложный процесс зрения - "глаз", причём будем для наглядной простоты считать, что глаз - это просто что-то наподобие фотокамеры, на задней стенке которой появляется изображение, это появление изображения и будем считать "зрением".

Но сегодня я приостановлюсь. До следующего раза.
Целую, Дима.

К письму приложена записочка:

"Бог есть комплекс идей (исторически и житейски) прежде всего, порождённых тупой придавленностью человека и внешней природой и классовым гнётом, - идей, закрепляющих эту придавленность, усыпляющих классовую борьбу". (В.И. Ленин)

Гениально, и сразу так ясно всё, так светло и радостно.

Ленинград, 22 февраля 1979 г.

Дорогой Сашок!

Закончу хотя бы предыдущую мысль, т.к. ближайшие дни у меня будут явно заняты всякой суетой.

Мы остановились на аналогии сознания и зрения в примитивно физической модели.

Спрашивается: если глаз отверст (т.е. не в "обмороке"), что ему следует делать, чтобы увидеть ("сознать") дерево, попадающее в его поле зрения?

Ответ: ровным счётом ничего. Если уж этот глаз нормален или хотя бы не слишком поражён болезнью, видение дерева "дастся" ему само собой без его дополнительных усилий. И это произойдёт благодаря тому, что он (глаз) "получит" информацию о дереве.

Не сам возьмёт, а пассивно получит. От глаза эта информация никоим образом не зависит (иначе говоря, она объективна).

—Итак, мы имеем три необходимых и достаточных условия видения: 1) наличие глаза, готового видеть, 2) наличие объекта видения (дерева) и 3) наличие информации о дереве, т.е. светового потока, отразившегося от дерева. Исключи любое из этих трёх условий, и видения (знания) дерева не будет иметь места. Это просто.

Но вернёмся к уму и сознанию. Ум - это как бы глаз, сознание - это видение, однако видение предметов не эмпирических, а духовных, иначе говоря - вечных (В самом деле: сколько метров или секунд в теореме Пифагора? Духовные объекты знания принадлежат не эмпирической области бытия, к ним неприменимы эмпирические категории пространства и времени. Это относится к любому знанию, в том числе к самосознанию). Итак, учитывая аналогию, я заключаю, что для сознания необходимы три условия:

1) орган сознания (ум не в обмороке); 2) объекты сознания (умные реальности) и 3) информация об этих объектах, то есть то, что условно, именно по аналогии со зрением называется "светом знания", "светом видения".

—Мой ум, как и глаз, может скользить с предмета на предмет, может всматриваться пристальней и ослаблять своё внимание, может и прекратить своё действие по той или иной причине. Но сам факт знания зависит не только от ума, но и от объектов знания и от потока "света знания".

—Этот "свет знания", информативный поток истины явно сверхэмпиричен, как и объекты знания, о которых он извещает наш ум. Он явно не зависит от эмпирических категорий пространства и времени, ибо истина (сверхэмпирическая истина) не меняется от одной координатной точки к другой. И евклидова теорема Пифагора (равно как всякий иной объект знания) имеет силу раз и навсегда независимо от того, сознаю я её или нет.

(В традиционной христианской терминологии этот "свет истины" называется Смыслом или Логосом, словом, которое переведено слишком однозначно: Слово, или Бог Слово, 2-ое Лицо Троицы, или ещё "поток Божественной Энергии".)

—То, что здесь изложено, - очевидность, аксиома. Для любого непредвзято настроенного человека, не пускающего в построения сложных философов, в которых он всё равно рано или поздно запутается и неизбежно придёт к абсурду, это ясно без всяких дополнительных рассуждений: есть ум, есть знание, есть "свет знания", ибо ум не прилагает никаких особых усилий (как и глаз), чтобы это знание "взять". Он его "получает".

—Но почему так трудно "увидеть" этот свет знания, Божественный Логос (по определению)? Почему трудно "поверить" в его реальность (такую же реальную хотя бы как "теорема Пифагора" или "ель - хвойное дерево")?

На этот вопрос помогает ответить та же аналогия. Когда я вижу что-то, то практически я вижу только свет, несущий в себе информацию о предметах зрения. Я вижу свет, несущий в себе предметы, и предметы в свете. Но беда! Света-то при этом я и не вижу. Точнее, его только я и вижу, но не отдаю себе в этом отчёта из-за привычки, из-за того, что меня интересует при всём этом процессе не свет, а информация о предметах, т.е. сами предметы меня интересуют. Здесь происходит смещение внимания.

___Все сознающие (пусть слабо) твари сознают только в силу "света истины", только в Логосе, но не обращают на это внимания. Многие, точнее, не обращают. Так как верующие люди тем-то и отличаются от неверующих, что они обратили внимание на этот факт и уже помнят о нём, не упускают его из вида.

___III. Самосознание. Но хорошо, пусть так. Глаз видит всё вокруг себя с помощью света, и без света он ничего не видит, так же как без Логоса ум человеческий (и ум животного) ничего не создаёт, бытие "для меня" исчезает в чёрной пропасти бессознательности.

Но спрашивается, что такое само-сознание? Как глаз может увидеть сам себя?

Здесь аналогия наша будет уже начинать казаться натянутой, но всё же пока ещё сработает.

Как глаз может выступить в качестве своего же собственного объекта, предмета? Кажется, нонсенс. Ничуть.

___Глаз "видит" себя, "чувствует" своё функционирование в чистом виде тогда, когда он ощущает, видит свет и только свет. Или наоборот, когда он видит свет (а свет он видит всегда, когда он открыт), тогда он и "чувствует" свою жизнь, жизнь глаза.

___Это очевидно. Более здесь "доказывать" нечего.

___Точно так же и ум человеческий. Когда в тиши, в моменты глубокой внутренней сосредоточенности, достигаемой нелёгкими экзерсисами, ум отрешается от созерцания каких-либо объектов умозрения, он "видит" только свет истины, только Логос. И это "ощущение" света будет тождественным чистому самосознанию, ощущению жизни, бытия себя и в себе. И, разумеется, наоборот, всякое самосознание, всякая возможность заявить о себе "аз есмь", всякое чувство бытия, жизни и есть действие на наш ум света Логоса.

Если бы этот свет не струился в меня, я просто ничего бы не "видел", я не имел бы ни сознания, ни самосознания. Но именно ощущение "аз есмь" есть чистое и беспримесное действие (энергия по-гречески) Логоса.

___Итак, то, что я называю своим бытием, своей жизнью, есть не что иное как действие (энергия) Божественного Логоса?! И мы теперь понимаем Августина, восклицающего:

___"Я не был бы, я просто не мог бы быть, если бы Ты не действовал во мне".

___И мы понимаем Платона, который призывал людей "повернуть глаза души", чтобы "увидеть" то, чем мы "живём, двигаемся и есмь".

И мы понимаем восторг Моисея и древних израильтян, когда они в откровении получили подтверждение своему "очевидному чувству". Бог назвал себя Бытием. Так ведь Он и есть наше бытие. И без Него мы не имели бы бытия, т.е. самосознания и сознания.

___IV. Ещё одна оптическая параллель.

___Когда на задней стенке глаза появляется перевёрнутое изображение предмета зрения, мы называем это на физическом языке "отображением" или "образом" предмета.

Можно сказать, что когда глаз созерцает только свет, его задняя стенка освещена, она несёт на себе "отображение" или "образ" света.

— Так и ум человеческий, неся в себе образы всех умозерцаемых предметов, в факте чистого (или замутнённого, это безразлично) самосознания, выражением которого служит фраза "аз есмь", несёт в себе "отображение", "образ" света знания, т.е. Божественного Логоса.

— Человек (как духовное существо) - образ Бога Живого. Во всём, и в созерцании теоремы Пифагора, и в созерцании самого себя, во всём он - образ Бога, ибо освещается Его светом.

Это - очевидность. Религиозному человеку не надо всё это размусоливать и разжёвывать. Это он знает, ощущает. В этом - религиозный опыт.

— Бог называет Себя "Аз есмь", и человек, будучи Его образом (отражением) называет себя "аз есмь", т.е. живёт.

— Материалисты тоже говорят, что "сознание - отражение объективной реальности". Реальность-то отражается, совершенно верно. Но где, спрашивается, тот свет, который освещает реальность и который, собственно, отражается? Тут они замолкают в каменном безмолвии, ибо их пафос - не нахождение истины (т.е. Логоса), а отрицание её, т.е. богоборчество. В этом весь материализм. Это собственно и по преимуществу практическое безбожие - чистейшей воды абсурд, что они и демонстрируют всеми своими "теориями".

(Написал: образ Бога Живого. Из всех наших рассмотрений ведь попутно выясняется, что Логос - живой. Ибо то, что мы называем жизнью, то, что действует в нас как ощущение жизни (живого бытия), и есть Логос.

Так же попутно выясняется и Его разумность. Аналогично.)

— V. Ну а как же "мёртвые" твари: палка, камень, например? Или труп, которым "я" когда-то стану?

— Но это в другой раз.

— Целую крепко, твой Дима.

— P.S. Именно в указанном смысле говорится о том, что "Бог внутри нас", в смысле наличия во мне самосознания, а вовсе не в сентиментальном смысле Толстого или других безбожников.

P.P.S. Хотя я пишу тебе тривиальные вещи, но, согласишься, с такой позиции ты пока на них не обращал внимания.

— Приписка на отдельном листочке:

— Прилепил к конверту марку с Иваном Никитиным, вспомнил его горестную судьбу, на которую он, кстати, не очень жаловался, и вспомнил его стихок о Новом Завете, который и привожу на обороте.

— Заметь, что этот поэт, который в общем-то почти писал о нравственности, в данном стихке ничего не говорит о Писании как о книге нравственного учения. Верующего привлекает в этой книге нечто гораздо более значащее и универсальное.

_____Здесь всё в чудно-сжатой картине

_____Представлено Духом Святым:

_____И мир, существующий ныне,

_____И Бог, управляющий им,

_____ И сущего в мире значенье,
_____ Причина, и цель, и конец,
_____ И вечного Сына рожденье,
_____ И Крест, и терновый венец.
_____ Как сладко читать эти строки,
_____ Читая - молиться в тиши,
_____ И плакать, и черпать уроки
_____ Из них для ума и души!"

_____ И ещё одна записочка:

_____ Сашулю от моего имени можешь поздравить с надвигающимся женским праздником всемирной солидарности трудящихся. А лучше просто передай ей от меня привет и поцелуй. Дима.

Ленинград. 23 февраля 1979 г.

_____ Примечание 1 к п. IV.

_____ Тезису "знание обусловлено не только наличием субъекта знания (человеческого ума), объектов знания и премирным информативным началом знания (Логосом), но даже само наличие субъекта знания, его жизнь обусловлено действием премирного Логоса" может противостоять два антитезиса, хотя и абсурдистских, но весьма распространённых.

_____ 1. Ни в мире, ни вне мира не существует никакого объективно-независимого от человека начала знания (Логоса). Знание человека не может быть, таким образом, обусловлено с этой стороны. Оно полностью зависит от присущих человеку физических и социальных (в конечном итоге - тоже физических) природных свойств.

_____ Здесь эгоцентризм может принимать разные формы: объективную (диамат) или субъективную (Кант), но суть от этого не меняется: начало знания не вне человека, а в нём самом. Scientia potentia est. Знание - сила, но сила чисто человеческая. Дух - функция плоти и только плоти. Знание - надстройка над бессмысленным материальным фундаментом. Конечно, это мифологемы и непостижимости. И как таковые (учитывая нашу аналогию с оптикой) могут быть символизированы утверждением, что глаз не только является приёмником света, но и источником света. Начало знания не вне глаза, а в нём самом.

Отсюда сразу следует тезис и о "бесконечных возможностях человеческого познания", например, наивное воззрение о возможности проникновения в "тайны бытия" или "происхождения Вселенной" и т.п. благоглупости.

_____ Разумеется, всё это воззрение на природу знания раздирается всякого рода противоречиями, абсурдами, но тем не менее этот эгоцентризм широко бытует.

_____ Его можно выразить и так: "Бога нет, или мне безразлично: есть он или нет его, ибо всё в моих силах, моё знание не зависит от него, оно зависит от меня. В этом смысле - я - бог".

_____ Это то, что в Библии наглядно обозначено как грех Адама и Евы: - "стать, как боги". Увлечение обманчивой перспективой "познать добро и зло" вне Божественного участия. (Замечу, что в традиционной еврейской символике "добро и зло" - синоним "всего". Т.е. "познать добро и зло" тождественно "познать абсолютно всё". Это обычно во внецерковном обществе не знают, и впадают во всякого рода необоснованные спекуляции по поводу этих слов Библии.)

— Конечно, забывая о своей таинственной и неразрывной связи с Богом, люди теряют своё основное качество людей, т.е. знание своего богообразия, и т.о. немедленно скатываются в разряд обычных homo sapiens, т.е. разумных скотов, обезьян. Они скачут с ветки на ветку, называют это прогрессом, опьянены мыслью о "бесконечном познании", о гуманизме. В действительности, конечно, ничего такого не происходит. Обезьяны суть, и обезьянами помрут, если не опомнятся.

— Итак, это первый антитезис: "грех Адама", "быть как боги".

2. "Знание" - чистейшей воды заблуждение. Не только нельзя "всё познать", но попросту "ничего нельзя знать". Кто мне докажет, что всё, что мы называем знанием, истиной не есть заблуждение? Я во всём имею право сомневаться. Субъективность здесь понимается как неистинность. Это предельный скепсис, нигилизм. Я не знаю даже, существую ли я сам.

— *) Такое воззрение, разумеется, абсурдно. Но именно абсурдом его запугать и невозможно, ибо оно "живёт" этим абсурдом. Это - предел злобы. Это восстание не только на Бога, но и на тварь, даже на собственное бытие. Это убийство и самоубийство, выход в абсурдное ничто (nihil).

— Символически такое воззрение можно описать как "грех Люцифера", "клевета от начала", "смерть по существу".

Таков второй антитезис.

— Больше, кажется, придумать невозможно: всё остальное будет частным случаем одного или другого.

— *) Одним ударом блаж. Августин рассёк эту ложь, сказав "dubito ergo sum", что Декарт и обобщил, как "cogito ergo sum", ибо "dubito" есть частный случай "cogito".

Грех в христианском понимании есть вещь чисто духовная (если уж вообще становится на условную и не присущую христианству позицию дуализма "плоть-дух"). Одно из самых цепких и бессмысленных заблуждений внецерковного мира в том, что "христианство принижает человеческую плоть, тело". Будучи порождением религиозно невежественных умов, это заблуждение широко распространено. Сколько всякой грязной мути, например, говорилось о "грехопадении прародителей", всё это вздорное и неприличное хихиканье невежественных "просветителей" XVIII века, например.

Недавно всем этим невеждам Аверинцев напомнил, что нелепо полагать, будто грех - это грех плоти. "Христианство - это отнюдь не религия духа, - писал он, - это религия Святого Духа, что вовсе не одно и то же". А это уже надо понимать.

— Примечание 2.

— Когда ты писал, что тебе очень трудно, просто невозможно представить себе своё или чужое "я" вне конкретного обличья, вне вот этой моей или вот этой чужой плоти, разумеется, ты не открывал Америку. И в самом деле, кто подобное может себе представить? Где это видано, чтобы человек был без тела? То, что человек - это именно человек с телом - такая очевидность, что о ней и говорить-то не приходится.

— Не знаю, может быть нечто подобное и существует (бытие столь богато и разнообразно!), но я не рискую размышлять о подобных предметах, и не рискую называть эти гипотетические бестелесные предметы людьми.

___*) Разве где-нибудь ставился столь таинственный вопрос: может ли человек обходиться без тела?

___Вопрос напрашивался иной: причастен ли человек сверхэмпирическому, вечному началу?

___И благодаря внимательному взглядыванию в себя, мы ответили: да, как-то причастен.

___Это так же, как если мы возьмём какой-либо предмет, - скажем, кубической формы, и зададимся вопросом: надо ли мне для данного куба устанавливать свой индивидуальный способ отыскания его объёма, или достаточно применить к нему формулу $V = a^3$, которая, как мы до сих пор предполагали, имеет универсальное, вечное действие для всех кубов, когда бы и где бы они не встречались.

___Конкретный предмет кубической формы в этом отношении имеет какую-то связь с вечной формулой $V = a^3$, но самое эту формулу мы не знали бы, если бы она не являлась в конкретных кубах.

В факте своего самосознания человек обнаруживает свою связь со сверхэмпирическим, вечным миром, но мы ничего не знали бы об этом вечном мире, если бы он не открывался в нас, телесных и ограниченных существах.

___*) Впрочем, такой вопрос ставился и ставится в оккультизме и парапсихологии при попытках объяснения таких психических феноменов как глоссалия, мультипликация (обычно удвоение) личности, вещи галлюцинации, транспозиция и дублетность тел, телекинез и т.п. Всё это интересно, но мы сейчас даже касаться всего этого не будем, хотя, разумеется, совсем не обращать на всё это внимания было бы научно нечестно, а методологически безграмотно.

___Примечание 3.

___Однако, написав всё это, я усомнился, ты ли задавал вопрос о бестелесных людях. Кажется, не ты. Ты же писал о том, что тебе лишь наполовину понятна Христова заповедь о любви к Богу и к ближним. Любить людей - это понятно, но как любить Бога? Ведь в любви невозможно отрешиться от представления о телесном объекте любви.

___И ты был совершенно прав. Здесь опять-таки нечего доказывать, это очевидность, данная нам в живом опыте любви. От очевидности исходить и надо, зачем лезть в абстракции?

___Немыслимо любить Бога, как его себе представляют вне Церкви: либо как какого-то неведомого старца, которого атакуют пройдохи космонавты, и в изображении которого наострили свои перья различные шутники; либо как индийский Абсолют, либо как греческое Единое. Всё это пустые фантазии, либо философские абстракции. Сколь бы красивы эти абстракции ни были, это всё же неживые абстракции.

И правильно пишет Аверинцев, что "история идеализма убеждает нас в полной возможности для абстракций типа "Блага" или "Единого" оказаться объектом самых неподдельных мыслительных экстазов; чего абстракция не может, так это сообщить чувство конкретного обладания верховной ценностью", что даётся только религиозным откровением.

___А откровение, о котором у нас шла и идёт речь обнаружило для меня, что то, что я называю и ощущаю как "жизнь" (моя жизнь, "аз есмь"), есть действие чего-то такого, что я называю Богом, единого света истины, независимого от меня или от кого-либо другого. Не стану повторяться.

___ Ясно, что именно тот же свет действует и в любом другом сознании. Не похожее на моё самосознание дано другому человеку, а то же самое, что и у меня.

___ Один Свет, одна Истины, одна Жизнь действует во мне и в других, как солнце отражается в мириадах росинок.

___ В своём основании, в своей глубине моя жизнь - это твоя жизнь, она же - действие в нас одного и того же живого начала вечного Логоса.

Бога я могу ощущать только в своём самосознании, как свою жизнь, как её корень и центр. Абстракция не может дать чувства обладания ценностью. Конкретная жизнь, моя жизнь, в которой мне открывается Бог, которая и есть Бог, - очевидная ценность, самая очевидная ценность.

___ Тот же религиозный опыт мне сообщает, что и чужая конкретная жизнь, твоя жизнь, - тоже есть Бог, Его действие и явление. И это тоже очевидная ценность.

___ То, что я называю своим ощущением радости и счастья, - очевидные ощущения, входящие элементами в моё самосознание, - суть божественные радости и божественное счастье. То, что я называю страданием - это страдание Бога.

Твоя радость - это в глубине своей моя радость, ибо одно начало действует в тебе и во мне. Твоё страдание - это моё страдание по той же причине.

___ Без чёткого ощущения этого, а в своей предельной чёткости оно даётся только в религиозном опыте, только в признании Логоса (это и практически и логически так), невозможна никакая подлинная любовь к ближним и дальним. Любовь к человечеству в чисто эмпирической плоскости - вот подлинно пустая абстракция. С чего ради? Что общего у меня с этим человечеством?

___ От природы я люблю моих родных или милых мне людей (вещь тоже достаточно таинственная), но в глубоком ведении нашего принципиального тождества в Боге, в самоощущении не только удваивается, утраивается эта природная любовь, но появляется и любовь к тем людям, которые до сих пор тебе были безразличными или даже врагами.

___ Без Бога - немыслимо и невозможно!

Поэтому-то гениальна, божественна, откровенна заповедь Христа о любви.

Если бы Он сказал: "люби ближнего", - это было бы пустой фразой, никому ничего не дающей.

Он же сказал: "Люби Бога своего всем сердцем своим, всею душою своею и всем помышлением своим, и ближнего своего - как самого себя". И добавил, что эти две заповеди подобны, суть одна и та же заповедь.

___ Заметь себе, что в высказывании Господа есть логическая непоследовательность. Логически верной была бы такая фраза: "Люби Бога своего ... и ближнего своего так же крепко, как Его". Но Он сказал: "как самого себя". Это лишний раз свидетельствует о том, что Спаситель не философствовал, а излагал то, что было у Него на душе. В душе же Его жило и билось очевидное сознание того, что "любить Бога" - это и значит "любить свою жизнь" и что "любить ближнего" - это и значит "любить Бога".

___ В основе, в глубине "я" ≡ "ближний" ≡ "Бог". Но именно это и надо прочувствовать, именно это и называется верой. И без этого - все разговоры о любви висят в воздухе.

— Поэтому христиане, желая сделать друг другу приятное, говорят и пишут в письмах, что они любят друг друга "в Боге". Это всё равно, что клясться в вечной любви, что никакой иной подлинной основы для любви нет. Эта подлинная основа - в ощущении своей жизни, в "аз есмь".

— "С любовью в Господе ...", "целую и крепко обнимаю во Христе" - вот обычная для христианина фразеология, несущая в себе глубину смысла и подлинное чувство.

Вспоминаю, как Равич возмущался этой любовью в Боге. Он писал, что это "принижение достоинства объекта любви", "ну уж нет, не буду я любить "ради Бога", я просто буду любить". Посмотрим, надолго ли хватит этой просто любви.

— Разумеется, при понимании Бога как "комплекса идей, порождённых придавленностью (или как у Равича: "Бог - это комплекс чувств, порождённых сексуальных неудовлетворённостью"), - при таком понимании религиозного откровения не приходится удивляться и их "любви к человечеству". Вещи одинаково бессмысленные, да и гнусные вдобавок, ибо лживые.

— Это то, что сейчас среди молодёжи называют "перловыми мыслями" (от "перлы"). Смысла и логики в этих перловых мыслях не больше, чем в треске, сопровождающем некоторые физиологические акты.

— Вместо того, чтобы хотя бы вдуматься в опыт миллиардов других людей, уверяющих, что этот опыт - самое ценное, ценнее чего невозможно себе ничего и помыслить, вместо того, чтобы поинтересоваться, что же это такое, ну почитать что-то, посоветоваться с кем-то, или хотя бы быть осторожным в своих отрицаниях, - вместо всего этого появляются какие-то "комплексы идей, порождённых" (что ни слово, то перл; попробуй-ка логически разобраться ... чудовищно!).

— "Я, мол, понимаю это так, а ты иначе, - ну и что?" Если бы я таким родился, с верой в Бога (о, если бы это было так!), мне ответить на это было бы трудно, т.к. я не имел бы опыта бессмысленности, в котором они пребывают. Но я имел его и знаю до мельчайших деталей, что это такое. Это действительно бессмыслица.

— Всего доброго, Дима.

P.S. Понятно ли то, что я излагаю? Это не логические выкладки. Просто ты как-то писал, что тебе интересно было бы знать моё мировоззрение.

— Вкладка:

— На сей раз на марке изображён Григорий Сковорода. Как-то давно вычитал у него такое остроумное изречение (в письме какому-то священнику):

— "Qui christum nescit, nihil est, si cetera nescit.

— Qui christum nescit, nihil est, si cetera nescit."

— В двух фразах переставлены только две буквы, но смысл их меняется на противоположный. Это игра слов и перевести трудно. Изложить можно так:

"Если кто Христа знает, то это ничего, если он что-то другого не знает.

Если же кто Христа не знает, то ничто - всё то другое, что он знает."

— Для христианина это тоже не требует доказательств, это аксиома. Без Христа - всё проваливается в бездну бессмыслицы. Со Христом - всё, даже ничтожество, приобретает венец Логоса, сияние вечного смысла.

— Да, действительно, "над этим стоит, очень стоит призадуматься".

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)